

А.Р.АРТЕМЬЕВ

Из истории крещения Камчатки. К трехсотлетию первой православной миссии

Исследуются христианизация Русской православной церковью Камчатки, деятельность первых священников и православной миссии: крещение коренного населения, строительство церквей и обучение детей грамоте и основам православия.

Selected events in the history of Kamchatka: the 300th anniversary of the first Orthodox mission.
A.R.ARTEMIEV (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the People of the Far East, FEB RAS, Vladivostok).

The article deals with the propagation of Christianity in Kamchatka by the Russian Orthodox Church. It covers the activities of the first clergymen and Orthodox mission, including christening of the indigenous population, building churches, and teaching reading and writing skills along with the basic principles of Orthodoxy to children.

Первым православным священником, прибывшим на Камчатку «для проповеди слова Божия», был архимандрит Мартиниан, посланный туда митрополитом Тобольским и Сибирским Филофеем Лещинским в 1705 г. [11, с. 483; 16, с. 364]. О его деятельности известно очень немного. В трагическом для истории Камчатки 1711 г. он находился в Верхнекамчатске, когда взбунтовавшиеся казаки убили там трех приказчиков – В.Атласова, П.Чирикова и О.Липина – и даже получил долю при разделе их имущества [13, с. 100]. В марте того же года эти казаки в количестве 70–75 человек во главе с выборным атаманом Данилой Яковлевичем Анциферовым и есаулом Иваном Петровичем Козыревским, стремясь заслужить прощение за свои преступления, отправились в юго-западную часть полуострова на р. Большая для возведения там острога взамен сожженного местными жителями ясачного зимовья. 23 апреля они разгромили на р. Большая острожок инородца Кашуги, взяли его в плен и под него получили ясак. После этого между впадающими в р. Большая речками Быстрая и Гольцовка, как предполагает А.С.Зуев, на месте сожженного острожка инородцев казаки возвели новое зимовье, которое оградил земляным и бревенчатым острогом [9, с. 249]. 20 мая этот новый острог был окружен большерецкими иноземцами пяти острожков во главе с Каначем. По его призыву против русских объединились около трех тысяч ительменов, которые, зная малочисленность русских, «похвалялись шапками их заметать без оружия». 23 мая архимандрит Мартиниан отслужил молебен, после чего казаки двинулись на

АРТЕМЬЕВ Александр Рудольфович – доктор исторических наук (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток).

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президиума РАН в рамках программы «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

вылазку и, выстрелив несколько раз из винтовок, бились с камчадалами на копьях до самого вечера и, наконец, одержали победу. Погибших инородцев было так много, что их тела запрудили р. Большая. С русской стороны в бою пало всего три казака и еще несколько были ранены. Победа русских произвела такое впечатление на инородцев, что все большеерецкие острожки без боя вновь покорились и стали платить ясак [11, с. 483, 484].

В 1713 г. приказчику Анадырского и камчатских острогов был дан наказ «сделать на Камчатке церкви Божии и привлекать иноземцев ко христианской вере» [14, с. 509]. Информации о том, пытался ли приказчик предпринять что-нибудь для выполнения наказа, не сохранилось. Известно другое: в 1717 г. архимандрит Мартиниан был задушен своими же холопами из крещеных ительменов [1, с. 135; 7, с. 10; 13, с. 100; 20, с. 39].

По авторитетному мнению ведущего исследователя истории освоения русскими крайнего северо-востока Сибири А.С.Зуева, успехи в крещении инородцев на Камчатке в первой четверти XVIII в. были минимальными. Как правило, крещеными, т. е. крещеными насильно, были холопы [9, с. 182, 183]. Причин тому было несколько. Главная из них – ненависть к русским из-за систематического ограбления местного населения приказчиками, которые, будучи максимально удаленными от центральной власти, имели для этого неограниченные возможности. Так, в 1715 г. казаками был смещен с должности приказчика и посажен под арест А.Петриловский, чей отец, кстати, был племянником Е.П.Хабарова, которым коренные народы Приамурья до сих пор пугают своих маленьких детей. Так вот, после ареста у него было обнаружено 5669 соболей, 1703 лисицы, 169 выдр, 297 каланов и огромное количество меховой одежды [8, с. 75; 9, с. 145]. По свидетельству С.П.Крашенинникова, это количество превышало ясачную казну, собранную за два года со всей Камчатки двумя приказчиками, убитыми в 1711 г. [11, с. 490]. Камчадалы не понимали, что действия приказчиков не санкционированы далеким от них московским царем и что на них можно жаловаться и искать справедливости. Ввиду этого им не оставалось ничего, кроме вооруженного сопротивления, невинной жертвой которого стал Мартиниан. Другой причиной были особенности менталитета. По обоснованному заключению А.С.Зуева, ительмены и коряки «ценили свою жизнь или жизнь сородичей не как таковую, абстрактно, вообще, а настолько, насколько ее условия и состояние соответствовали их представлениям о том, какой она должна быть» [9, с. 161]. С.П.Крашенинников писал по этому поводу, что «по их мнению, лучше умереть, нежели не жить, как им угодно. Чего ради самоубийство было у них последний способ удовольствия, которое до самого их покорения продолжалось, а по покорении так было умножилось, что из Москвы нарочные были указы, чтоб россиянам не допускать камчадалов до самовольной смерти» [11, с. 368]. В связи с этим «они не боялись смерти, а значит, с легкостью не только шли на самоубийства, но и вступали в сражения» [9, с. 161]. Тем не менее, как указывает протоиерей П.Громов, еще Мартиниан обнаружил у камчадалов «веру 1) в Бога Творца и Промыслителя; 2) в бессмертие души и в воздаяние по смерти и 3) в очистительную силу жертвенной крови» [7, с. 9]. По справедливому заключению И.С.Вдовина, «эти общие представления давали основу для сближения элементов верований у ительменов с христианством и находили, видимо, признание и у ительменов» [6, с. 104, 105].

В июле 1716 г. для исполнения духовных треб в Якутск и камчатские остроги из тобольского Знаменского монастыря был послан иеромонах Иосиф Лазарев с сыном. Ему был положен очень значительный по тем временам оклад в 40 руб., 96 пудов хлеба и 5 пудов соли. Год его прибытия на Камчатку неизвестен [7, с. 10].

Незадолго до своей трагической гибели архимандрит Мартиниан постриг в монахи под именем Игнатия упоминавшегося выше И.П.Козыревского, который развернул бурную деятельность по распространению православия на Камчатке. Между Нижнекамчатским острогом и речкой Ключевка он основал пустынь в честь Успения Божьей Матери с часовней и при ней богадельню, за что удостоился в 1718 г. подарка от якутского архимандрита Феофана, приславшего ему рясу и клобук. Пустынь находилась в подчинении якутского Спасского монастыря, «служки» которого завели пашню на реках Ключевка и Камчатка, где сеяли ячмень и репу, получая замечательные урожаи [10, с. 146; 11, с. 107]. В 1720 г. Игнатий отбыл в Якутск, где был назначен архимандритом Феофаном строителем Покровского монастыря в 80 верстах от города вверх по р. Лена. В 1721 г. Феофан уехал по делам в Тобольск, предварительно послав к архимандриту Иосифу на Камчатку «указ о бытии ему в тамошних острогах у духовных дел». Однако назначенный на время отлучки Феофана управляющим якутским Спасским монастырем Игнатий Козыревский послал туда своего представителя – якутского служилого человека Козьму Вежливцова, указав ему «в тех острогах быть заказщиком духовных дел и ведать иеромонахов и причетников судом и росправою» [10, с. 139; 11, с. 13]. В 1724 г. архимандрит Феофан вернулся в Якутск с приказом от митрополита Тобольского и Сибирского Антония Стаховского об аресте Игнатия Козыревского, которому припомнили участие в убийстве трех приказчиков. Уже на месте выяснилось, что Козыревский успел присвоить 100 руб. из казны якутского Спасского монастыря и 300 руб. из якутского Покровского монастыря. В итоге его заковали в кандалы и заключили в тюрьму [7, с. 14; 10, с. 138]. В том же году тобольский митрополит узнал, что еще в 1713 г. приказчиком камчатских острогов якутским дворянином Иваном Енисейским возле Нижнекамчатского острога была выстроена церковь, которая остается неосвященной. Митрополит послал на Камчатку иеродьякона Моисея с грамотой на освящение, и в 1725 г. первый храм на полуострове, названный, как и хотел его строитель, убитый в 1715 г. в Акланском острожке местными коряками, во имя Святителя Николая Мирликийского, был освящен монахом Иосифом Лазаревым, который и стал в нем служить [7, с. 15; 8, с. 74; 9, с. 301].

В 1728 г. архимандрит Феофан вручил священнику Ермолаю Иванову инструкцию Тобольского митрополита от 8 сентября 1728 г., согласно которой ему следовало: «1. Отправиться на Камчатку в Нижнекамчатский острог к Николаевской и к строящейся Успенской церквям; 2. В Верхнекамчатском, Нижнекамчатском и Большерецком острогах обращать в православие инородцев и следить за церковным благочинием; 3. Обновлять часовни; 4. Определять, увольнять и считать церковных старост; 5. Живущих не по-христиански русских и новокрещеных на время отлучать от церкви. Кроме того, служилых и новокрещеных туземцев, не соблюдающих постов и не ходящих к исповеди или имеющих наложниц, исправлять с помощью комиссаров (приказчиков); 6. Браков между родственниками не венчать; 7. Следить за тем, чтобы местные жители не бросали своих жен и не заводили новых; 8. «Блудников», у которых рождаются дети, наказывать денежной пенею и «смирять монастырским смирением» – плетьюми и сажать на цепь; 9. Шаманов и идолопоклонников из христиан, а также раскольников высылать с помощью комиссаров в Якутск; 10. Принять по описи дела у иеромонаха Иосифа и отправить его за собственный счет в якутский Спасский монастырь немедленно под страхом штрафа за задержку» [7 с. 17, 18]. Последнее, вопреки мнению С.Т.Ширяева [20, с. 43], исполнено не было.

Тем временем свою деятельность в деле православного освоения Камчатки активно продолжал оказавшийся после ряда злосудных заключений в Москве монах Игнатий

Козыревский. В марте 1730 г. он подал прошение императрице Анне Иоанновне, в котором перечислил свои заслуги в деле православного освоения Камчатки и количество сданной им государству пушнины, прося взамен пожаловать его из казны книгами, колоколами, прочей церковной утварью для своей пустыни и разрешить построить в ней двупрестольную церковь Успения Божьей Матери и Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. Козыревский весьма живописно рассказал о трудностях, испытываемых православным населением Камчатки, где «служилые и других чинов люди без покояния ж умирают». 8 апреля его челобитная была рассмотрена в Святейшем Синоде, а 8 февраля рассмотрено представление Сената в ответ на нее. В нем Сибирской канцелярии предписывалось выдать Козыревскому за сданную в казну пушнину 500 руб., на которые ему предписывалось строить пустынь. Туда в церковь направить двух священников, дьякона и причетника, которым назначить оклады и деньги на церковное вино, свечи и ладан из якутских доходов. Было велено построить также церкви в Верхнекамчатском, Большерецком и Анадырском острогах, куда направить по одному священнику и нужное количество причетников. Сибирскому губернатору предписывалось купить в новые церкви утварь, а церковные книги отпустить даром с печатного двора. Особо следует отметить пункт, где говорится о крещении инородцев, которых «для придания к тому охоты» приказано на 10 лет освобождать от ясака, а тех новокрещеных, кто пожелает служить, брать на службу с таким, как у казаков, жалованием [10, с. 133–136]. Дело в том, что в деле крещения инородцев политика государства и церкви принципиально различалась. Еще первый историк Сибири Г.Ф.Миллер пришел к выводу, что на протяжении всего XVII в. русские власти не стремились форсировать христианизацию и, следственно, русификацию аборигенов, поскольку это предполагало большие финансовые затраты и уменьшение ясака [21, с. 156]. Действительно, на словах ратуя за приобщение коренного населения Сибири к православию, на деле государство стремилось максимально ограничить крещение туземцев, поскольку, став христианами, они исключались из ясака. Сибирские власти не без оснований опасались, что желающих креститься может оказаться слишком много и ясачный сбор, т. е. дань мехами, ради которого собственно и осваивали Сибирь, резко сократится [2, с. 89; 3, с. 36; 13, с. 95]. К сожалению, планам Козыревского не суждено было осуществиться. В 1731 г. по указу императрицы, переданному Святейшим Синодом митрополиту Тобольскому Антонию, было проведено следствие по поводу действий И.Козыревского в Сибири до и после его пострижения. В итоге уже в 1732 г. он был расстрижен, а после 1733 г. известия о нем не встречаются [7, с. 21, 22; 10, с. 137–139].

В 1731 г. по ходатайству епископа Иркутского Иннокентия Кульчицкого в состав епархии наряду с городами Илимском, Якутском и Балаганском, а также киренским Троицким, якутским Спасским и селенгинским Троицким монастырями был включен Охотск с уездами, к которым принадлежала и Камчатка [12, с. 34, 35].

В том же году на Камчатке случилось новое восстание коренного населения. Причиной его снова стали бесчинства комиссаров. В 1730 г. комиссар Иван Новгородов собрал с камчадалов двойной ясак, а в 1731 г. его опыт повторил новый комиссар Михаил Шехурдин. Доведенные до отчаяния камчадалы, дождавшись, когда судно с Шехурдиным, ясачной казной и служилыми людьми отправилось в Анадырь, устремились от морского побережья вверх по р. Камчатка, убивая по дороге казаков и захватывая в холопы их жен и детей. Добравшись до Нижнекамчатского острога, они коварно подожгли двор иеромонаха Иосифа, который сам находился на побережье, и перебили почти всех его жителей, когда они начали его тушить. Одним из первых был убит начавший звонить в колокола сын иеромонаха Иосифа

Андрей. Все дворы, кроме церкви и крепости, были сожжены. Такая же участь постигла находившуюся по соседству пустынь Козыревского. Камчадалы разграбили все имущество русских, включая церковное. Их глава новокрещеный Федор Харчин приказал такому же, как и он, новокрещеному, но знающему грамоту, Савину одеться священником и пропеть молебен. За это он велел выдать ему 30 лисиц и записать в ясачную книгу: «По приказу комиссара Федора Харчина выдано за молебен Савину». Позднее Савина будут называть за эту выходку «попом поганым» [10, с. 51, 64, 65, 71; 11, с. 493–496, 763]. Таким образом, несмотря на весь трагизм ситуации, определенное влияние православия на камчадалов не вызывает сомнения.

Между тем из-за отсутствия попутного ветра корабль остановился в устье р. Камчатка, и спасшиеся от погрома служилые люди известили своих о взятии камчадалами Нижнекамчатского острога в тот же день. На следующий день 21 июня командир партии штурман Яков Генс отправил для освобождения острога отряд в 60 человек, которые взяли его, а потом захватили в плен самого Харчина. Вскоре после этого на Камчатку прибыл для следствия о причинах восстания майор В.Ф.Мерлин с помощником майором Д.И.Павлуцким и небольшим отрядом иркутских служилых людей. Итогом следствия было повешение девяти камчадалов и четырех русских, включая бывшего комиссара И.Новгородова. 44 камчадала и 61 русский, включая бывшего комиссара М.Шехурдина, были наказаны кнутом [11, с. 497, 498].

20 июля 1732 г. в разоренный Нижнекамчатский острог прибыл наконец-то священник Ермолай. На месте сожженной церкви он нашел часовню, а при ней все того же иеромонаха Иосифа Лазарева. В Верхнекамчатском и Большерецком острогах также были только часовни. При последней находился присланный в том же 1732 г. из Якутска иеромонах Иоанникий.

После окончания следствия в 1735 г., а не в 1732 г., как ошибочно утверждает К.Е.Черевко [19, с. 79], ставший подполковником Мерлин и майор Павлуцкий возвели новый Нижнекамчатский острог при слиянии рек Камчатка и Радуга, в 84 верстах по течению ниже старого. После этого в 1737 г. они построили в остроге давно запланированную Тобольским митрополитом двухпридельную церковь, а в 1739 г. другую в Большерецком остроге [7, с. 25].

В конце 1736 г. священник Ермолай получил от иркутского епископа Иннокентия звание управителя духовных дел и духовенства на Камчатке. Ему было приказано чаще объезжать камчатские церкви и приходы и тщательно проверять отчетность иеромонахов Иосифа и Иоанникия. Однако последнее он исполнить не смог, поскольку Иосиф скончался в Нижнекамчатском остроге 8 мая, а Иоанникий – в Большерецком остроге 20 июля 1736 г. После этого на Камчатке вновь остался только один священник.

4 сентября 1740 г. на Камчатку прибыла вторая экспедиция под руководством капитан-командора В.И.Беринга, которая остановилась в Авачинской губе. Названия судов экспедиции «Св. Петр» и «Св. Павел» послужили тому, что после их зимовки ее переименовали в Петропавловскую гавань. В.И.Беринг предложил своему помощнику капитану А.И.Чирикову пожертвовать местному населению походную церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Парусиновую палатку над походной церковью заменили деревянным зданием, которое вместе с другими строениями, возведенными экспедицией за зиму, были отданы перед ее отплытием в пользу церкви [7, с. 26, 27]. Столь внимательное отношение Беринга к нуждам православного населения вполне объяснимо, поскольку всем местным начальникам вменялось в обязанность помогать служителям церкви в соблюдении

предписываемых православием норм жизни. Капитан-командор во время своего пребывания на Камчатке обладал там всей полнотой власти и, как перед этим в Охотске, был вынужден вмешиваться в возникающие на этой почве коллизии [17, с. 202, 203; 18, с. 44, 45].

Обе церкви, возведенные на Камчатке, из-за отсутствия антимиса и других принадлежностей оставались неосвященными до 1740 г., когда туда с адъютантом Академии наук Г.В.Стеллером из Академического отряда Второй Камчатской экспедиции прибыл казначей якутского Спасского монастыря иеродьякон Гавриил Притчин. Он привез для церквей в Нижнекамчатском и Большерецком острогах антимис, иконы, утварь, ризницу, книги и колокола. 15 марта 1741 г. священник Ермолай с иеродьяконом освятили в Нижнекамчатске церковь во имя Успения Божьей Матери, а затем, послужив в ней до 23 апреля, отправились в Большерецк, где 4 июня освятили двухпридельный храм во имя Успения Божьей Матери и Свяителя Николая Мирликийского. Таким образом, на полуострове стало три церкви, а также были молитвенный дом в Верхнекамчатском остроге и часовня при р. Паратунка в 15 верстах от Петропавловской гавани, но священник – только один. К счастью, В.И.Беринг успел сообщить командиру Охотского порта А.М.Девьеру о том, что крестить камчадалов некому, а тот написал об этом епископу иркутскому Иннокентию. После этого Иннокентий рукоположил для Камчатки сына священника из Якутска Михаила Сивцова и находившегося при Камчатской экспедиции дьячка Филиппа Волкова, которые прибыли на полуостров в 1743 г. М.Сивцов стал священником большерецкой Успенской церкви, где ему помогал крещеный инородец Шарыпов, Ф.Волков – экспедиционной Богородско-Рождественской церкви, сын священника Ермолая Михаил, которому помогал внук иеромонаха Лазарева Максим, – нижнекамчатской церкви Успения Божьей Матери. При молитвенном доме в Верхнекамчатском остроге состоял человек казачьего звания Василий Чуркин, а при церкви в Петропавловской гавани – брат священника Филиппа Михаил Волков, также прибывший с экспедицией Беринга [7, с. 27, 28].

Новый этап в православном освоении Камчатки начался после указа Сената от 2 января 1742 г. Согласно ему, на Камчатку предполагалось направить миссию в составе архимандрита Тобольского Спасского монастыря Иосифа Занкевича, семи священников, трех дьяконов, 10 дьячков и пономарей, трех солдат и нескольких толмачей [15, № 8507]. Однако Святейший Синод не утвердил кандидатуру Занкевича и по рекомендации епископа Крутицкого Леонида и ректора Московской славяно-греко-латинской академии Флоринского определил 1 февраля 1742 г. назначить главой миссии иеромонаха Иосафа Хотунцевского. Его возвели в сан архимандрита и велели именоваться в дальнейшем архимандритом Камчатским. Его помощником был назначен иеромонах Пахомий из Богоявленского монастыря. В состав миссии были включены иеромонах Иосаф Свяжцев из московского Заиконоспасского монастыря и иеродьякон Александр из Донского монастыря. Для обучения «новокрещеных камчадалских отроков азбуке, часослову и псалтири» из Московской славяно-греко-латинской академии были посланы семь студентов: школы синтаксисы Петр Логинов, школы фарты Василий Кочуров, для обучения письму и в дьячки – школы пиитики Степан Никифоров и Федор Григорьев Серебряков, для преподавания катехизиса – студенты философии Алексей Ласточкин и Дмитрий Камшигин, а также письмоводителем по делам миссии студент школы риторики Петр Грязный. Таким образом, первоначально в составе миссии было 11 человек. Срок пребывания миссии на Камчатке, включая проезд туда и обратно, определялся в семь лет [5, с. 164; 7, с. 32, 33].

Синод позаботился о хорошем материальном обеспечении миссии. Годовое жалование архимандриту было определено в 500 руб., иеромонахам – по 250 руб., иеродьякону – 200 руб., двум старшим студентам философии и делопроизводителю по 150 руб., а остальным по 100 руб. Приходским священникам в Нижнекамчатском, Верхнекамчатском, Большерецком, Анадырском и Охотском острогах назначалось по 80 руб., дьяконам – по 60 руб., а причетникам – по 40 руб. в год [7, с. 33]. Позднее по просьбе Хотунцевского членам миссии было добавлено хлебное довольствие в размере трех четвертей (192 кг) ржаной муки и по 69 фунтов крупы [10, с. 142]. Необходимые для архимандрита различные вещи были выданы ему из синодальной ризницы из числа оставшихся после смерти разных духовных особ. Для раздачи новокрещеным было изготовлено 200 серебряных крестов и 10 тысяч медных. К ним прилагались 10 200 аршин шнура на гайтаны для подвешивания крестов и 50 000 иголок на подарки. Синод полагал послать с миссией медика, но Сенат решил, что таковым может считаться медик при экспедиции В.И.Беринга. На Камчатке для миссионеров было приказано построить дома, а для обучения детей – школы. В услуги архимандриту там были назначены трое солдат и толмач из местных служилых людей [7, с. 34].

7 декабря 1742 г. Святейший Синод снабдил архимандрита Хотунцевского инструкцией из 29 пунктов. Важнейшими из них предписывалось: «Не завязывать инородцев судебными обрядами по делам веры» (пункт 7); Не налагать на новокрещенных продолжительных молитв и постов (8 и 9); «Располагать новокрещенных к делам милосердия» (12); «Истреблять волшебства и суеверия» (14); «Не позволять новокрещенным многоженства, но благословлять брак с одною женою, а остальным дозволять выходить за других мужей» (18); «Не употреблять никаких насильственных мер к привлечению инородцев к крещению, но располагать к тому кротким и постоянным убеждением и объяснением заслуг Искупителя» (21); «Архимандриту всякое свое недоумение представлять на разрешение иркутского преосвященного, к нему доставлять ведомости о новопросвященных и быть миссии и всему камчатскому духовенству в полной от него преосвященного зависимости» (22 и 24); «Учредить школы для камчатских отроков» (26); «Для пополнения священнических и причетниковских мест при камчатских церквях в проезде через Тобольск и Иркутск искать архимандриту охотников, также и достойных церковников представлять к рукоположению того архиерея, в епархии которого будут найдены. Если же и за сим будет недостаток в причетниках, то пополнять оный якутскими казачьими детьми и обученными камчадалскими отроками» (пункт 27). Последним 29-м пунктом инструкции было требование не задерживать архимандрита Хотунцевского в пути для отправления царских молебнов [7, с. 34, 35], т.е. служб по поводу дней рождения особ царствующего дома.

Миссия выехала из Москвы 9 февраля 1743 г. и 24 сентября достигла Якутска, где миссионеры перезимовали. 16 мая 1744 г. Хотунцевский всего с несколькими спутниками и без груза отправился в Охотск. По прибытии туда 30 июня он вынужден был восстанавливать сгоревшую в феврале церковь Преображенья Господня, в чем ему очень помог охотский командир премьер-майор Афанасий Зыбин. 25 февраля в Охотск, пройдя последние 200 верст пешком, рядом с нартами, груженными церковной утварью, прибыли остальные члены миссии. 7 июля 1745 г. все они во главе с архимандритом морем отправились на Камчатку и 13 августа прибыли в Большерецк. Там священник Сивцов доложил архимандриту, что из проживающих в Большерецке русских только трое в текущем году были у исповеди. Архимандрит тут же объявил, что обязывает всех в следующий преддрождественный пост исполнить обязанность христианскую, потребовал строго соблюдать

великий пост, а в воскресные и праздничные дни приходиться в церковь и приводить с собой прислугу из новокрещеных. Решительные действия Хотунцевского полностью поддержал первый начальник Камчатки, капитан якутского полка Максим Гурьевич Лебедев [7, с. 35].

Еще из Охотска 18 февраля 1745 г. архимандрит Хотунцевский послал донесение в Святейший Синод о количестве инородцев и новокрещеных во вверенном ему крае. Согласно его донесению, количество инородцев в Большерецком остроге и его округе составляло 433 человека, из которых новокрещенных было 276 человек, в Верхнекамчатском остроге и его округе – соответственно 979 и 523, в Нижнекамчатском остроге и его округе – 1182 и 109 человек [10, с. 140]. Совершенно фантастические данные приводит в своей работе протоиерей П.В.Громов, ссылаясь на тот же отчет Хотунцевского: 1870 человек новокрещеных в Большерецком остроге, 2473 человека в Верхнекамчатском и 1724 человека в Нижнекамчатском остроге [7, с. 39]. Далее Хотунцевский сообщал, что, учитывая, сколь охотно начали креститься инородцы, «не весьма велика в нас на Камчатке нужда зависит, разве что новокрещеных в вере утвердить», на что, по его мнению, вполне хватит двух лет, и всепокорнейше просил Святейший Синод не оставлять миссию на полуострове навечно [10, с. 140, 141].

Осенью 1745 г. вблизи Большерецка потерпело кораблекрушение японское судно. Десять спасшихся с него японцев по их просьбе Хотунцевский окрестил. Крестным отцом всех стал капитан М.Г.Лебедев. Впоследствии пятеро из них были доставлены в Петербург и стали преподавателями японского языка при сенатской конторе, а другие – в навигацких школах Якутска, Иркутска и Илимска [7, с. 31, 32; 19, с. 100, 101].

В трех камчатских острогах по распоряжению Хотунцевского были открыты школы для казацких и камчадалских детей, в каждой из которых был поставлен преподавателем один из студентов. Детей обучали чтению, письму, часослову, псалтири и катехизису, причем недостаток бумаги восполнялся берестой. Мирная деятельность миссии была прервана новым восстанием инородцев. В Нижнекамчатский острог, где 9 февраля 1746 г. Хотунцевский встретился со священником Ермолаем Ивановым, прибыл иеромонах Иосаф, который сообщил, что на севере взбунтовались коряки и юкагиры, которые убили иеромонаха Флавиана и служилых людей, посланных из Охотска зимним путем в Анадырский острог крестить чукчей. Вслед за этим началось массовое восстание под началом крещеного тойена, к которому присоединились два казака из камчадалов. Они перебили 12 ясачных сборщиков, посланных из Нижнекамчатского острога, и готовились разгромить сам острог. Однако изменившие казаки братья Лазуковы неожиданно явились в Нижнекамчатск с повинною. Они поведали, что причиной возмущения инородцев были обиды от казаков и ясачных сборщиков [7, с. 39; 10, с. 144, 195].

За время своего пребывания на Камчатке архимандрит Хотунцевский трижды совершал длительные поездки по полуострову, в ходе которых в каждом камчадалском острожке по три дня учил инородцев слову Божьему. Особое внимание он уделял борьбе с суевериями, которым камчадалы были весьма подвержены.

В ноябре 1748 г. Хотунцевский получил разрешение строить новые церкви на реках Ича, Тигиль и Ука. В своем докладе в Правительствующий Сенат от 29 марта 1749 г. он сообщил по этому поводу, что новокрещеные камчадалы уже заготавливают строительный лес. Капитан М.Г.Лебедев выделил для строительства каждой церкви по пять плотников. В том же докладе архимандрит предложил ряд мер по утверждению православия на Камчатке. Главным был кадровый вопрос, поскольку после смерти в 1748 г. священников Симеона Васильева и Ермолая Иванова

церкви в Верхнекамчатске и Нижнекамчатске остались без служителей. Хотунцевский просил прислать из Иркутской епархии семь священников и двух дьяконов. В дьячки и пономари он просил Синод разрешить назначать обучившихся детей русских и камчадалов. Кроме того, он просил основать монастырь на месте бывшей пустыни Козыревского вблизи Нижнекамчатского острога, к которому предлагал приписать тридцать семей пашенных мужиков, два острожка ясачных камчадалов и «два пустыя острова, к промыслу морских зверей, бобров и прочих способные», на одном из которых умер капитан-командор В.И.Беринг, т.е. Командорские острова. «К тому ж, – писал архимандрит, – между морскими от монастыря вояжами, за помощью божиею, могут и другии острова находитися, уже не пустыи, но людьми наполненни, которые и под высокодержавну Ея императорскаго величества руку приведутся и ко общению христианской веры приступят». Хотунцевский просил Синод прислать на Камчатку на время двух живописцев, двух столяров, двух искусных плотников и двух кузнецов с инструментами и материалами, а также шесть компасов и испрашивал разрешения купить на пожертвованные прихожанами деньги слюду для окон в церквях и колокола [10, с. 143–147].

Однако случилось непредвиденное событие. 10 декабря 1749 г. в Нижнекамчатск прибыл нарочный. Он привез высочайший указ от 5 апреля 1748 г., которым по представлению Святейшего Синода архимандрит Иоасаф Хотунцевский вызывался в Санкт-Петербург для рукоположения в сан епископа Иркутского, на место скончавшегося 26 июля 1747 г. Иннокентия Неруновича. Хотунцевский передал руководство миссией иеромонаху Пахомию и ему же поручил должность управителя камчатскими церквями и причтами, которые до этого подчинялись умершему 28 марта 1749 г. священнику Ермолаю Иванову. В мае 1750 г. он покинул Камчатку, а 7 марта 1751 г. подал в Святейший Синод отчет, в котором доложил о крещении всех камчадалов, за исключением части коряков, кочующих в отдалении [7, с. 44, 45].

Православная миссия на Камчатке под руководством возведенного в сан архимандрита Пахомия просуществовала еще 11 лет. 31 декабря 1761 г. на Камчатку был доставлен указ Синода об упразднении миссии, и весной 1762 г. Пахомий с иеродьяконом Авксентием и не пожелавшими остаться там студентами покинули полуостров [7, с. 51]. Согласно отчету протоиерея Стефана Никифорова, возглавившего церковное управление Камчаткой после закрытия миссии, в 1766 г. на полуострове было семь церквей с 9959 прихожанами [10, с. 149].

Так закончился первый, наиболее трудный и важный период в православном освоении Камчатки. Спустя восемь десятилетий по инициативе Николая I будет учреждена Камчатская епархия, проект которой был утвержден императором 30 ноября 1840 г. В состав епархии были включены православные приходы Охотско-Камчатского края и русских колоний в Северной Америке. Первоначально Синод предлагал даже назвать епископа новой епархии Северо-Американским и Камчатским. Однако против этого выступил Николай I, который ознакомился с этнографической картой новой епархии, после чего приказал именовать епископа Камчатским, Курильским и Алеутским. На возражение обер-прокурора Святейшего Синода о том, что на Курильских островах нет ни одной церкви, император ответил коротко: «Построить». 15 декабря того же года в сан епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, опять же по распоряжению Николая I, был возведен архимандрит Иоанн Вениаминов, принявший в монашестве имя Иннокентий [4, с. 123–129]. Выдающийся подвижник русской православной церкви Иннокентий Вениаминов прослужил на этой кафедре почти 30 лет, неоднократно посещал Камчатку и вел службы в ее церквях. 5 января 1868 г. он был назначен митрополи-

том Московским и Коломенским (умер 31.03. 1879 г.). В 1974 г. решением Святейшего Синода Русской Православной церкви Святитель Иннокентий, «апостол Аляски», был причислен к лику святых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск: Автор, 1996. 235 с.
2. Артемьев А.Р. Русская православная церковь в деле освоения Забайкалья и Приамурья (вторая половина XVII–первая четверть XVIII в.) // Восток–Россия–Запад. Историко-культурологические исследования. К 70-летию академика В.С.Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 84–93.
3. Артемьев А.Р. Русская православная церковь в Забайкалье и Приамурье во второй половине XVII–XVIII в. // Вестн. ДВО РАН. 2000. № 2. С. 31–39.
4. Барсуков И.П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский, по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М.: Фирма Алесь, 1997. 780 с.
5. Вахрин С.И. Предыстория Камчатской епархии // Краеведческие записки Камчатского обл. краевед. музея. Вып. 8. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1993. С. 162–169.
6. Вдовин И.С. Влияние христианства на религиозные верования чукчей и коряков // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX–начало XX в.). Л.: Наука, 1979. С. 86–114.
7. Громов П. Историко-статистическое описание камчатских церквей. Петропавловск-Камчатский: Скрижали Камчатки, 2000. 264 с.
8. Зуев А.С. Приказчики камчатских острогов 1700–1731 гг. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 4. Владивосток, 2003. С. 70–79.
9. Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII–первой четверти XVIII в. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 2002. 332 с.
10. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVII веке. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 212 с.
11. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 842 с.
12. Наумова О.Е. Иркутская епархия. XVIII–первая половина XIX века. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 1996. 208 с.
13. Окунь С.Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л.: ОГИЗ, 1935. 152 с.
14. Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1. 832 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. 930 с.
16. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск: Вен-Мер, 1995. 460 с.
17. Федорова Т.С. Доносы и жалобы на В.Беринга как источник по истории Второй Камчатской экспедиции // Русское открытие Америки: Сб. ст., посвящ. 70-летию академика Н.Н.Болховитинова. М.: РОССПЭН, 2002. С. 195–204.
18. Федорова Т.С. Доносы на Беринга как источник для изучения бытовой жизни Второй Камчатской экспедиции // Under Vitus Bering's Command. New Perspectives on the Russian Kamchatka Expeditions. Aarhus, 2003. P. 33–49.
19. Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII–XIX вв. М.: Наука, 1999. 256 с.
20. Ширяев С.Т. Начало распространения христианства на Камчатке // Из истории народов Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2000. С. 38–50.
21. Элерт А.Х. Материалы Г.Ф.Миллера о региональных особенностях во взаимоотношениях между русскими и аборигенами Сибири в XVII–первой половине XVIII в. // Under Vitus Bering's Command. New Perspectives on the Russian Kamchatka Expeditions. Aarhus, 2003. P. 135–158.